

Г. Л. Соболев

«...Старейший и в своем роде несравненный историограф нашего времени...»: воспоминания ученика о профессоре Сигизмунде Натановиче Валке (часть I)

Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975) — выдающийся теоретик источниковедения, архивоведения и археографии. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1913). Сотрудник Петроградского историко-революционного архива (1918–1922), преподаватель (с 1923) и профессор Ленинградского государственного университета, доктор исторических наук (1936), руководитель Археографической комиссии Академии наук СССР, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР (с 1931).

Предисловие¹

**Соболев
Геннадий Леонтьевич**

д-р ист. наук, почет.
проф., Санкт-Петербургский
государственный
университет; вед.
науч. сотр., Санкт-Петербургский
институт истории
РАН; вед. науч. сотр.,
Государственный
мемориальный музей
обороны и блокады
Ленинграда (Санкт-Петербург, Россия)

В 1915 г., когда отмечалось 25-летие преподавательской деятельности академика А. С. Лаппо-Данилевского в Санкт-Петербургском университете, его ученик С. Н. Валк обратился к своему любимому Учителю с письмом, познакомившись с которым спустя многие годы, я нашел ответы на свои сомнения и переживания во взаимоотношениях с моим Учителем — Сигизмундом Натановичем Валком. В этом письме он признавался, как ему «трудно, бесконечно трудно» писать о том, чем он обязан своему университетскому наставнику за годы научного и личного общения. «Пытаюсь хоть как-нибудь подвести итог, — резюмировал С. Н. Валк, — я натываюсь на массу непознанного, его мне не высказать на словах, хотя, кажется, я так ясно чувствую это»². Теперь и я в свою очередь, пытаюсь

подвести итоги взаимоотношений с Учителем, хочу написать о его бесценной помощи в моем становлении как историка. Так сложились обстоятельства, что я делаю это поздно, когда С. Н. Валка нет уже с нами почти полвека, а мне самому исполнилось столько лет, сколько было Учителю в год его смерти в 1975 г.

Я должен начать свои воспоминания с чистосердечного признания о том, что, решив поступать на исторический факультет, совсем не думал о карьере ученого, а мои познания в области истории ограничивались в школьные годы учебной литературой и историческими романами, которые я читал запоем в нашей местной библиотеке. Моей заветной целью было получить историческое образование в Ленинградском университете, чтобы затем вернуться в свою родную школу преподавателем истории вместо собравшейся на пенсию учительницы, разбудившей во мне интерес к истории и видевшей во мне своего преемника. В самом деле, о большем я и думать не хотел, ведь я родился и вырос в коммунальной квартире в большой рабочей семье в пролетарском районе — за Невской заставой. Из шести моих братьев и многочисленных уличных товарищей я один окончил среднюю школу и теперь собирался поступать в университет³. В случае осуществления этих планов я мог стать одним из редких представителей немногочисленной в нашем пролетарском районе социальной группы — интеллигенции. И я сделал все, чтобы добиться осуществления своих «карьерных» планов: к моменту окончания средней школы я стал одним из лучших ее учеников, моя фамилия была среди кандидатов на медаль, обсуждавшихся на педсовете, и директор, отмечая мое активное участие в общественной жизни школы, даже предложил на общем комсомольском собрании избрать меня секретарем комсомольской организации. От пристального внимания к моим успехам и неудачам больше всех страдала моя мама, которая, не окончив до войны и семи классов, пошла работать ткачихой, и каждый раз, собираясь в школу на родительское собрание, начинала плакать: опять будут просить поделиться опытом воспитания сына в многодетной семье.

Моя первая встреча с будущей альма-матер произошла в июле 1954 г., когда я, как абитуриент с золотой медалью, дававшей право на поступление в вуз без вступительных экзаменов, сдал свои документы в приемную комиссию Ленинградского университета. Я и сейчас помню в деталях свое путешествие на трамвае № 24 из-за Невской заставы на Васильевский остров через мост им. Лейтенанта Шмидта до Университетской набережной, где на филологическом факультете находилась приемная комиссия. Толпы молодых людей, желающих поступить в университет и теперь сгрудившихся вокруг столиков приемной комиссии, меня сильно впечатлили. Правда, проходившая вдоль здания Двенадцати коллегий замощенная тогда еще булыжником Менделеевская линия, в конце которой находилось здание исторического факультета⁴, приглушила мои страхи перед «храмом науки», тем более что он был еще «в лесах» и попасть в него с первого раза не удалось.

Однако еще до начала занятий на факультете, приехав в очередной раз из-за Невской заставы на Менделеевскую линию, я сумел походить по его коридорам и даже услышать вместе с такими же любопытными, как я, первокурсниками от любезного сотрудника деканата краткую историю, оказывается,

«исторического» здания. Как я заметил, 1 сентября 1954 г. собравшихся на втором этаже (в левом крыле) первокурсников тогда мало интересовала история размещения в 1934 г. исторического факультета Ленинградского университета в построенном в начале XIX в. по проекту Дж. Кваренги Новобиржевом Гостином Дворе⁵. Нас волновали жизненно важные проблемы, которые в ближайшее время предстояло решать вместе и каждому.

«Акклиматизация» в учебной группе, состоявшей главным образом из решивших специализироваться в дальнейшем по истории СССР⁶, вопреки моим опасениям, прошла благополучно в том смысле, что я ничем пока не обратил на себя внимания со стороны членов группы. Объяснялось это, по-моему, пестрым составом, в котором вчерашние школьники или, точнее говоря, школьницы-отличницы из Архангельской, Мурманской, Вологодской и других северных областей, краев и районов, были разбавлены немногочисленными ленинградцами и поступившими для продолжения обучения демобилизованными из армии универсантами. Для полноты картины нужно упомянуть, что к группе была приписана «иностранная часть», состоявшая из студентов стран народной демократии — Болгарии, Румынии, Албании, Китайской Народной Республики и др.

Аморфное состояние нашей учебной группы продлилось всего несколько дней, после чего мы были отправлены на уборку картофеля в совхоз, в Приозерский район Ленинградской области. Это была отнюдь не загородная прогулка, а почти месячная работа в суровых бытовых условиях не знакомых с деревенской жизнью еще вчерашних школьников, приехавших без теплой одежды в тапочках и не умевших организовать свой быт. И сразу же выяснилось, что отсидеться по углам нетопленого летнего помещения детского сада, куда нас поселили совхозные власти, не удастся, что необходимо организовать, чтобы согреться и сварить горячую пищу. Так стал складываться коллектив, в котором обнаруживались умельцы приготовить нехитрую еду, найти дополнительные источники питания, собирать в ближнем лесу грибы, когда картофельное поле было под водой из-за шедших несколько дней подряд проливных дождей. Среди нас нашлись даже лесорубы, которые добровольно за дополнительные продукты для всего коллектива вызвались валить лес для нужд подшефного совхоза. С того времени прошло почти 70 лет, а я помню поименно своих товарищей по «лесоповалу»: мы стали друзьями не только на все университетские годы, но и на всю оставшуюся жизнь. Назову здесь заместителя директора Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при СПбГУ, доктора исторических наук, профессора А. Я. Лейкина⁷, профессора философского факультета СПбГУ, доктора философских наук С. Н. Савельева⁸. К сожалению, нас из шести «лесорубов» осталось только двое.

Самоорганизация, объединившая группу в преодолении трудностей в незнакомой большинству из нас обстановке, помогла сдать первый экзамен в ЛГУ — убраться с выделенного нам участка картофель и уехать в город победителями с желанием поскорее начать учебные занятия.

Сентябрьские ночные размышления в полухолодном помещении детского сада усилили мое желание обрести на факультете свой дом и мудрых учителей. Поскольку я до поступления в Ленинградский университет не имел никакого

представления о том, какие светила украшают его исторический факультет, я должен воспользоваться в данном случае свидетельствами моих старших коллег. Поступивший на факультет раньше меня на десять лет член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин вспоминал: «Истфак блистал своей профессурой, среди которой были С. Н. Валк, Б. А. Романов, И. И. Смирнов, С. Б. Окунь, А. В. Предтеченский, Е. В. Тарле, В. В. Струве, Н. П. Полетика, А. И. Молок и др. Деканом был В. В. Мавродин, человек остроумный и не боявшийся повредить себе неортодоксальными высказываниями, по возможности доброжелательный по отношению ко всем окружающим...»⁹ Многих из этих корифеев исторической науки довелось слушать и мне, и я много от них узнал и начал постепенно понимать, что история — наука серьезная, но до понимания глубокой мысли поэта о том, что «мы крутим колесо ее бессонно», было далеко. В этом меня убедила еще первая лекция профессора В. В. Мавродина¹⁰, посвященная истории Древней Руси.

Часть первая Сначала была Русская Правда

Хорошо помню, что после возвращения в конце сентября 1954 г. с «картошки» первым занятием нашей группы был практический семинар по изучению Русской Правды, одного из важнейших исторических источников по истории Древней Руси, о котором многие из нас услышали впервые. В точно назначенное по расписанию время в аудиторию вошел маленький человек в черном костюме с галстуком, его прищуренный взгляд скрывало пенсне, а аккуратно постриженная седая бородка делала его лицо строгим, если не сказать сердитым. Но первые слова, которые мы услышали от него, были высказаны тихим голосом в форме просьбы представиться. Фамилию, имя и отчество каждого из нас он переписал в свой блокнотик, попросив по возможности оставаться за столами на своих местах на всех занятиях. Реакция группы на эту просьбу была воспринята по-разному. А. В. Гордон, который учился с нами на первом курсе в одной группе, а затем стал заниматься историей Великой Французской революции, теперь в ранге ее виднейшего представителя, вспоминает: «Сигизмунд Натанович Валк начал семинарское занятие на первом курсе, записав фамилию, имя, отчество нашей группы (30 человек), над чем мы очень смеялись между собой»¹¹. Что касается меня, то я увидел в этой просьбе прежде всего уважительное отношение профессора к личности студента, и я гордился тем, что меня называли по имени и отчеству, и тем самым я стал отличаться от вчерашнего школьника, которого называли просто по имени или фамилии. Следуя примеру своего Учителя, я уже давно стараюсь называть своих студентов по имени и отчеству.

На последующих занятиях выяснилось, что наш профессор был вовсе не чудак, пытаюсь обращаться к нам по имени и отчеству на семинаре, чтобы вовлечь каждого из нас в самостоятельное постижение исторического источника. «С. Н. Валк высоко ценил занятия с первокурсниками, с которыми изучал Русскую Правду “с самого начала” как бы вне историографической традиции», — справедливо писал впоследствии член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин¹². Эту

Сигизмунд Натанович Валк
Источник: Из личного архива
автора

школу «с самого начала», как бы «вне историографической традиции», прошел в свое время и я, благодарный С. Н. Валку теперь за полученные тогда уроки работы с источником. Хотя никто из нас не стал знатоком истории Русской Правды, в семинаре С. Н. Валка мы приходили постепенно к постижению ее исторического смысла, сформированного нашим профессором: «Русская Правда в течение нескольких веков имела первостепенное значение в качестве практического юридического сборника, а позднее — не меньшее значение как исторический источник для изучения истории общественного строя Древней Руси»¹³. Не скрою, не все из нас стремились постигнуть этот смысл на практических занятиях по изучению текста Русской Правды, и я, желая уязвить равнодушных, предпринял самостоятельные усилия по овладению древнерусским текстом ее статей. Накануне практического занятия по Русской Правде я приезжал утром в читальный зал факультетской библиотеки и штудировал хрестоматию «Правда Русская» под редакцией

Б. Д. Грекова, чтобы на следующий день задать С. Н. Валку вопрос, а то и два в случае возникновения тягостной тишины вместо ответа на его вопрос, на чем мы остановились в прошлый раз. Теперь я думаю, что он не мог не догадаться о моей «помощи» группе, но делал вид, что не замечает.

Занятия по Русской Правде остались в памяти многих поколений историков, обучавшихся на историческом факультете Ленинградского университета. Недавно я встретил в Капелле коллегу, с которой работал на кафедре истории в Институте культуры. Н. Н. поинтересовалась, чем я сейчас занимаюсь, а я признался, что хочу написать о своем Учителе — С. Н. Валке. Она оживилась и посоветовала: «Обязательно напишите о семинаре по Русской Правде». Правда, ее семинар проходил много лет спустя после моего... Тем не менее спасибо за совет и память о С. Н. Валке.

Через постижение исторического смысла Русской Правды в семинаре С. Н. Валка мы приобщались постепенно к научному творчеству: на втором курсе мы должны были подготовить доклад и выступить по самостоятельно выбранной проблеме истории СССР. Меня выручила факультетская библиотека, ее постоянным читателем я стал с первых дней зачисления в ЛГУ. Здесь открыл для себя «главный» исторический журнал — «Вопросы истории», на страницах которого шла уже не первый год дискуссия советских историков о промышленном перевороте в России. Желание восполнить свой пробел в историческом образовании привело меня к мысли рассмотреть в качестве доклада эту дискуссию, возникшую после публикации многотомной «Истории народного

хозяйства СССР», а ее автору, члену-корреспонденту АН СССР П. И. Лященко, была присуждена Сталинская премия первой степени¹⁴. Поставив перед собой скромную задачу — изложить основные аргументы участников дискуссии, я тем не менее для уяснения ее сущности осмелился «заглянуть» в первый том этого фундаментального труда, стоявший в читальном зале факультетской библиотеки на видном месте. Не знаю почему, скорее всего, это было влияние прочитанных в «Вопросах истории» статей, меня привлек в этом томе анализ состояния текстильной промышленности России на рубеже XVIII–XIX вв. В особенности меня заинтересовало положение дел в такой ее старой отрасли, как суконное производство, которое являлось наиболее распространенным видом крепостных помещичьих мануфактур. Я узнал, что поставки правительству дешевых солдатских сукон с правительственными субсидиями помещикам были основой «процветания» этих крепостных мануфактур. Тем не менее рядом с крепостными суконными мануфактурами начинают возникать купеческие, вырабатывающие более качественное сукно и работающие в большей мере на свободный рынок. В 1825 г. суконных мануфактур в России насчитывалось 324 с 18 % вольнонаемных рабочих, в 1850 г. — 492 мануфактуры, из которых «дворянских», работающих на крепостном труде, осталось лишь 4 %¹⁵.

Вдохновленный наблюдениями и выводами маститого ученого о процессе перехода России от мануфактуры к фабрике, я систематизировал в соответствии с ними свои записи о дискуссии, назвав свой доклад «Дискуссия о промышленном перевороте в России на страницах журнала “Вопросы истории”». Переписав доклад набело в школьную тетрадь, объемом в 24 страницы, я передал его, как это было принято, С. Н. Валку за неделю до обсуждения на семинаре. Рассказываю здесь об эпизоде в моей научной биографии столь подробно потому, что он сыграл важную роль в моем становлении как историка. В назначенный день обсуждения моего доклада С. Н. Валк, войдя, как обычно, быстро и вовремя со звонком в аудиторию, обратился ко мне по имени и отчеству и пригласил за свой стол, положив передо мной школьную тетрадь с моим докладом. «Читайте, пожалуйста, Вашу работу полностью», — сказал он, как всегда, тихим голосом и расположился рядом на стуле. Хотя от волнения у меня пересохло в горле, я сумел овладеть собой и стал читать свой текст, который, как я мог заметить, С. Н. Валк внимательно слушал. Удивительно, но я сумел прочитать доклад до звонка об окончании занятий. Но обычного в таких случаях предложения задавать докладчику вопросы не последовало. Вместо этого С. Н. Валк произнес только одну фразу: «Вот так надо писать курсовые работы», — и вышел из аудитории.

Хотя и на следующем семинаре обсуждения моего доклада так и не последовало, я был необычайно вдохновлен неожиданно высокой оценкой С. Н. Валка. Не переоценивая проделанной работы, я поверил в себя и свои возможности как историка. Когда я через несколько дней после доклада пришел к своей школьной учительнице истории, чтобы отчитаться о своих успехах в университете, то скромно сообщил, что меня похвалил профессор С. Н. Валк за мой доклад на семинаре. От такой новости она буквально пришла в восторг: «Ты не понимаешь, тебя похвалил сам Валк!» Оказывается, мой

профессор был хорошо известен в учительских кругах, часто выступал на педагогических совещаниях и семинарах и пользовался большим авторитетом. Но сколько еще открытий предстояло сделать о моем профессоре.

Ответы на волновавшие меня вопросы я нашел позднее в опубликованных еще в 1920 г. воспоминаниях С. Н. Валка о своем Учителе А. С. Лаппо-Данилевском, с которыми я познакомился много лет спустя после их появления в печати. Меня поразила в них тщательность в деталях, с какой он описывал методику руководства А. С. Лаппо-Данилевским семинаром. Ему было важно обратить внимание на процедуру обсуждения доклада в семинаре, когда после его прочтения руководитель семинара «обычно брал слово себе, и всегда для одной и той же темы — не для того, чтобы делать замечания по существу доклада, что делалось лишь после обсуждения, в его заключительном резюме. Его первые замечания были исключительно методологическими: способы использования материала, архитектура доклада и т. д.»¹⁶. Я вспоминаю, как нетерпимо относился С. Н. к недобросовестным студентам, пытавшимся выдать за свои доклады откровенную «халтуру». Приводя в своих воспоминаниях один из подобных фактов в семинаре А. С. Лаппо-Данилевского, когда научный руководитель не допустил к обсуждению доклад, в котором не был использован «надлежащий материал», С. Н. Валк объяснял моральное значение этого поступка Учителя: «Это блуждание материала, кирпичей нашего рабочего здания, просветляло нашу душу. Проработав тему, представив ее на суд А. С., мы творили в себе психологию научной уверенности, твердой научной устойчивости. Сама наука представляла в новом для нас свете...»¹⁷

При всей строгости и требовательности к нам в подготовке наших докладов, в особенности к работе с источниками, С. Н. был исключительно внимателен со всеми студентами и готов был прийти на помощь каждому, кто обращался к нему за советом «найти тему» для доклада, курсовой, дипломной работы и т. д. И в этом С. Н. Валк имел пример своего Учителя — А. С. Лаппо-Данилевского, о чем он писал в своих «Воспоминаниях ученика»: «Кто приходил к А. С. за выбором темы, будь то студенческой работы, будь то для монографической работы, всегда находил одно и то же: А. С. обсуждал прежде всего интересы своего собеседника и, из них исходя, предлагал ту или другую тему»¹⁸. Я знал на своем курсе, по крайней мере несколько коллег, которые, выходя со временем на защиту своей диссертации, по «секрету» признавались, что все когда-то начинали с совета с «Сигом».

Размышляя о причинах столь доброжелательного отношения руководителя семинара к моему первому докладу, я пришел к выводу, что он обнаружил во мне интерес к экономической истории России, различными аспектами которой занимались в его научном семинаре старшекурсники. Именно по этой причине я получил в скором времени приглашение от С. Н. посещать его вечерний семинар, участники которого наряду с обсуждением своих докладов имели привилегированное право заниматься под руководством научного руководителя изучением документов в читальном зале Центрального государственного исторического архива, располагавшегося в зданиях Сената и Синода на Адмиралтейской набережной.

На первой же встрече в архиве С. Н. предложил мне заняться историей суконной мануфактуры Абамелек-Лазаревых, документы которой уже лежали на закрепленном за мной столе. Владея замечательной методикой работы со своими студентами в архиве, С. Н. уделял каждому из нас свое внимание, вникал в наши проблемы. В назначенный день и час он встречался с нами в читальном зале. С. Н. подсаживался к каждому из нас за стол, проявляя неподдельный интерес к нашим документам, помогая в них разобраться. И всегда это была доброжелательная и неформальная беседа, которая вызывала желание непременно увидеть С. Н. и в следующий раз рядом за своим столом.

Однажды С. Н. пригласил меня впервые за многие месяцы участия в работе семинара посетить его дома, чтобы поговорить о моих планах. В назначенное время я робко звонил в дверь коммунальной квартиры, в которой тогда жил С. Н. на улице Лизы Чайкиной, 18 (ранее — Гулярная улица). Радужно встретив меня в дверях, он пригласил выпить с ним чашку чая за маленьким столиком и сразу же объяснил причину приглашения, а именно — свое желание передать мне копии документов, когда-то снятых им в архиве, но так и неиспользованных. Чтобы избежать дальнейших объяснений, С. Н. вручил два уже приготовленных пакета, добавив при этом, что содержащиеся в них документы помогут мне написать серьезную дипломную работу.

Возвращаясь, как обычно, вечером в почти пустом трамвае за Невскую заставу в свою коммунальную квартиру, я все еще был под впечатлением состоявшейся короткой встречи днем с С. Н. Эта встреча путала все мои планы: на днях я должен уехать на учебные сборы военной кафедры на два месяца, а затем в Крым в составе сборной ЛГУ по легкой атлетике для подготовки к первомайской эстафете, в которой я, будучи чемпионом университета по бегу на 800 м, был одним из основных участников. Но главная причина, по которой я не собирался сразу же засесть за изучение полученных от С. Н. документов, заключалась в том, что для меня в это время основной задачей была подготовка к овладению профессией учителя истории и разработан детальный план этой подготовки с момента поступления на исторический факультет. Получив от деканата по ходатайству научного руководителя право на свободное посещение лекций, я проводил большую часть своего времени в университетской научной библиотеке им. А. М. Горького, реализуя свой план, а также успешно (на «отлично») сдавая при этом все экзамены вместе со своей учебной группой. Поэтому я решил отложить на время изучение полученных документов.

Конечно, я вспомнил об этих документах, когда начал писать дипломную работу, которую в первом варианте требовалось сдать научному руководителю за полгода до ее защиты. Поскольку время поджимало, я счел возможным ограничиться во «Введении» краткой характеристикой использованных в дипломной работе источников, в том числе и полученных от С. Н. Оставив на кафедре для научного руководителя свое «скороспелое» сочинение, я на две недели исчез в лесах Приозерского края по весьма уважительной причине. Наш курс оказался выпускным в 1959 г. в 25-летие воссоздания исторического факультета ЛГУ, а я был включен в оргкомитет по проведению этого юбилея от комитета комсомола. В частности, мне была поручена вся организационная

работа, связанная с подготовкой капустника. Чуть ли не накануне генеральной репетиции едва ли не главное действующее лицо грандиозного факультетского «шоу» — аккомпаниатор-аспирант К. был направлен приказом ректора в составе группы аспирантов ЛГУ в подшефный совхоз в Приозерский район на две недели на заготовку древесины. Поскольку приказ ректора никто отменить не мог, в ректорате согласились на замену: вместо аспиранта К. на «лесоповал» поехал студент-выпускник и тем самым стал гарантом состоявшегося исторического капустника, прошедшего с огромным успехом 27 декабря 1958 г. в лектории истфака, на который у меня сохранился пригласительный билет.

Выпускник истфака первого довоенного приема Д. Н. Альшиц¹⁹, написавший остроумный сценарий, встретив меня на факультете и поблагодарив в очередной раз за «прикрытие» аккомпаниатора, предложил вместе с ним участвовать в презентации капустника, напечатанного под названием «Восстановление ума по черепу». Предложение было столь искренне и так настойчиво, что я согласился прийти в «Книжную лавку писателя» на Невском проспекте и выступить в качестве читателя. Впоследствии, когда я уже был преподавателем на истфаке, я даже проводил семинар: «Книга “Восстановление ума по черепу” как исторический источник», который был по достоинству оценен не только студентами, но и самим автором этого источника.

Мои научные успехи к этому времени не были столь очевидны. Правда, вопреки опасениям научный руководитель, встретив меня в коридоре факультета, хотя и не хвалил, но и не ругал, но считал, что первый вариант моей дипломной работы нуждается в более тщательном анализе источников. Поблагодарив С. Н. еще раз за ценные документы, я заверил его, что постараюсь использовать их в полной мере в дипломной работе. Но должен признаться, что меня в это время волновала более важная проблема, от которой зависела моя дальнейшая судьба, — трудоустройство после окончания ЛГУ, и было это связано с обязательным тогда распределением выпускников вузов по их принадлежности к тем или иным министерствам. Наконец, весной 1959 г. выпускников исторического факультета стали вызывать в ректорат для предварительного распределения на те вакансии, которые поступили из Москвы от Министерства высшего образования СССР. Имея один из самых высоких рейтингов за время обучения в ЛГУ, я выбрал, как мне тогда казалось, весьма привлекательное место для карьеры начинающего преподавателя — Алтайский край, Барнаульский областной отдел народного образования, новая средняя школа с предложением и других кандидатов. И не дождавшись ответа из Барнаула, стал «вербовать» энтузиастов поехать на Алтай работать в новой школе.

Разумеется, при первой же встрече с С. Н. я сообщил ему о своем решении поехать учительствовать на Алтай, хотя по его сдержанной реакции понял, что он об этом знает: предварительное распределение не было секретом на факультете, и о том, кто куда решил «податься», было известно всем. Потом до меня дошло, что эта сдержанность объяснялась прежде всего его жизненным опытом, которого мне еще не хватало. Мудрый профессор знал, что распределение из Москвы далеко не всегда совпадало с возможностью или желанием местных властей. В этом убедился и я, когда меня пригласили

в скором времени в комиссию по распределению выпускников ЛГУ и сообщили о том, что из Барнаула пришел вежливый отказ, а именно: в новой школе все вакансии были заняты и им требуется только учитель физкультуры (!). В связи с этим университетская комиссия предоставила мне право свободного трудоустройства и новые изменения в моей жизни. Возвращаясь в свой спальный район поздно вечером, я решил завтра же выяснить обстановку в своей школе, в которой совсем недавно проходил педагогическую практику и мой любимый директор Анатолий Степанович подтвердил тогда свое приглашение вернуться туда учителем. Однако почтовая открытка, полученная в тот вечер от С. Н., изменила все планы: научный руководитель настаивал на моем скорейшем появлении у него дома по весьма неотложному делу. Судя по состоявшемуся разговору, С. Н. был в курсе моих дел и теперь хотел помочь, но тот вариант, который он далее предложил, был для меня полной неожиданностью во всех отношениях. Оказывается, в ЛОИИ (в Ленинградском отделении Института истории АН СССР²⁰), о существовании которого я даже не подозревал, был объявлен конкурс для выпускников исторического факультета на замещение открывшихся вакансий на должность научно-технических сотрудников. К стыду своему, я не знал, что мой научный руководитель много лет работает в этом институте²¹ и, узнав о моем праве на свободное трудоустройство, рекомендовал меня кандидатом для рассмотрения моей кандидатуры на конкурсной комиссии. И теперь я впервые увидел С. Н. в роли моего Учителя, который не терпящим возражений голосом приказал мне быть на следующий день на заседании этой комиссии. И я беспрекословно подчинился, робко спросив, как мне найти это ЛОИИ, которое, к моему удивлению, находилось тогда рядом с нашим истфаком — в помещении Библиотеки Академии наук СССР²².

На следующий день в назначенное время я стоял в сильном волнении перед тяжелой дубовой дверью заведующего ЛОИИ, не решаясь постучаться. И в это время появился мой спаситель — Сигизмунд Натанович, открывший дверь в кабинет заведующего и подтолкнувший меня вперед со словами: «Идите и не бойтесь — это тот самый Михаил Порфирьевич Вяткин²³, которого Вы критиковали в своей дипломной работе». Восседавший в центре кабинета в массивном кресле М. П. Вяткин, о котором я действительно упоминал в своей работе как авторе «Московского суконного двора», был ко мне довольно внимателен, заметив, что история суконной промышленности в России — действительно важная проблема, тем более что она исследована, как его информировал С. Н. Валк, на новых архивных документах. Сделав паузу, М. П. Вяткин задал мне единственный вопрос, ради которого, как я понял, и был приглашен прямо к заведующему ЛОИИ: не хотел бы я стать сотрудником создающейся группы истории советского общества, которой тоже нужны молодые специалисты с опытом работы в архиве. Видя, что это предложение застало меня врасплох, он дал мне неделю на размышление, но едва я успел выйти из кабинета и сообщить ожидавшему меня С. Н. Валку об этом предложении, мой руководитель теперь и по жизни рекомендовал мне соглашаться прямо сейчас — «завтра будет поздно: кандидатов много, а вакансии всего три». Так я и поступил. Примерно через месяц я получил по почте официальное уведомление на бланке ЛОИИ от

23 апреля 1959 г. за подписью ученого секретаря Н. Е. Носова²⁴: «Ленинградское отделение Института истории АН СССР сообщает, что на Вас сделана заявка в распределительную комиссию ЛГУ о направлении Вас на работу в Лен. отд. И-та истории АН СССР»²⁵.

Оправившись от потрясений, вызванных распределением в Институт истории, я сосредоточился на завершении и совершенствовании своей дипломной работы, которой я до этого не придавал должного значения. По совету научного руководителя я ограничил рамки своего исследования первой четвертью XIX в. Хотя в окончательном варианте моя работа называлась «Суконная промышленность России в первой четверти XIX века», ее центральной проблемой стала проблема влияния Континентальной блокады, к которой была вынуждена присоединиться Россия по Тильзитскому миру 1807 г., на промышленность России, в том числе и суконную. Имевшиеся у меня документы, и прежде всего полученные от С. Н., позволили мне сделать интересные наблюдения. Выступивший на защите моей дипломной работы официальным оппонентом профессор С. Б. Окунь²⁶ похвалил меня именно за анализ этих документов.

Самым внимательным и доброжелательным читателем моей дипломной работы был, конечно, мой научный руководитель, который считал представленный текст почти готовой диссертацией и сожалел, что я ее не закончил. Оглядываясь назад, я считаю, что это была завышенная оценка, хотя и очень лестная для меня.

Состоявшаяся в начале июня 1959 г. защита дипломных работ участниками нашего семинара осталась одним из самых памятных событий моей университетской жизни. И совсем не потому, что Государственная комиссия единогласно отметила высокий научный уровень представленных к защите дипломных работ и оценила их на «отлично». В тот памятный год, возможно, был самый достойный своего Учителя состав семинара, участники которого, по-моему, все без исключения «высидели» свои исследования в архивах. Мне кажется, это понимал и Сигизмунд Натанович, который в этот день был как-то по-особому настроен и излучал редко посещавшее его удовлетворение. Он выглядел самым счастливым человеком и в неофициальной обстановке, восседая во главе стола в кафе «Лягушатник»²⁷, куда пригласил нас после защиты дипломов.

В начале июля 1959 г. я получил диплом с отличием, в котором констатировалось, что я окончил полный курс Ленинградского государственного университета по специальности «История» и решением Государственной экзаменационной комиссии от 24 июня 1959 г. мне присвоена квалификация «Историк. Учитель истории средней школы». Из выданной в качестве приложения к диплому выписки из зачетной ведомости следовало, что я окончил полный курс, имея по всем предметам оценки «отлично». Считаю здесь уместным упомянуть, что за успехи в учебе мне ежегодно, начиная со второго курса, присуждалась стипендия им. В. И. Ленина.

Но странное дело: казалось бы, главная цель, ради которой я поступил в 1954 г. в Ленинградский университет, была достигнута. Однако теперь я не испытывал того удовлетворения, которое должен бы прочувствовать. Университетская жизнь, если не изменила еще мои ориентиры, то, по крайней мере,

заставила меня задуматься, куда идти, что делать дальше, задолго до получения диплома об окончании университета. Преподавание истории в школе во время учебной практики оставило смутное чувство: мои попытки увлечь учеников историей в рамках школьной программы были не всегда и не во всем удачными, хотя школьный учитель-куратор оценил мои уроки на «отлично». Оставалась надежда, что с получением университетского диплома о высшем образовании и присвоением мне квалификации «Историк. Учитель средней школы» на самостоятельной работе на Алтае, куда я изъявил желание поехать работать по предварительному распределению, может сложиться иначе. Увы, как я уже отмечал выше, в далеком краю не заинтересовались способным молодым специалистом, тем самым помогли ему определиться окончательно в выборе творческого пути.

Осмысливая сейчас, спустя более 60 лет со времени окончания Ленинградского университета, истоки и стимулы моего исторического образования, можно выделить целый ряд факторов, повлиявших на него в разное время обучения. Это, во-первых, семинар С. Н. Валка, в который я пришел под впечатлением изучения Русской Правды. Во-вторых, систематическая работа в Центральном государственном историческом архиве под руководством С. Н. Валка. В-третьих, самостоятельная повседневная работа по повышению уровня своего исторического образования, овладение достижениями советской исторической науки. С. Н. Валк воодушевил меня, отметив сделанный мной анализ состоявшейся в журнале «Вопросы истории» дискуссии советских историков о промышленном перевороте в России. Изучение полученных от С. Н. Валка и использованных в моей дипломной работе документов открыло во мне исследовательский интерес к истории как науке. Вероятно, так считал и Сигизмунд Натанович, когда рекомендовал меня, как своего ученика, в качестве начинающего исследователя в Ленинградское отделение Института истории АН СССР²⁸.

Продолжение в следующем номере

¹ Комментарии к тексту Г. Л. Соболева подготовлены доктором исторических наук, профессором М. В. Ходяковым.

² Письмо С. Н. Валка А. С. Лапшо-Данилевскому // Валк С. Н. Избранные труды по археологии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 323.

³ Некоторые эпизоды о детских и юношеских годах Г. Л. Соболева нашли отражение в опубликованном сборнике: Блокада Ленинграда глазами детей и подростков: социокультурный аспект / отв. ред. Г. Л. Соболев; отв. сост. О. В. Пржигодзкая, Е. А. Тарасова. СПб., 2019. С. 245–262.

⁴ Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: очерки истории / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004.

⁵ О зданиях университета см.: Санкт-Петербургский государственный университет в пространстве и времени. Материалы по истории зданий. СПб., 2004.

⁶ Об истории кафедры и ее преподавателях см.: *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004.

⁷ Лейкин Аркадий Яковлевич (1936–2005) — историк, доктор исторических наук (1983), профессор. Специалист по истории внутриполитической борьбы в СССР в 1920–1930-е гг., истории молодежной политики ВКП(б).

⁸ Савельев Сергей Николаевич (1935–1991) — историк, философ, доктор философских наук (1987), профессор Университета.

⁹ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2006. С. 48.

¹⁰ О В. В. Мавродине см.: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.

¹¹ Гордон А. В. Историки железного века. М., 2018. С. 426.

¹² Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 12.

¹³ Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды // Валк С. Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991. С. 197.

¹⁴ Сталинская премия I степени была присуждена П. И. Лященко в 1949 г. за труд «История народного хозяйства СССР. Т. 1–2: Капитализм. М., 1948. 739 с.». Третий том «Социализм» издан посмертно.

¹⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1: Докапиталистические формации. М., 1948. С. 528–530.

¹⁶ Цит. по: Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. Т. 2: Петербургский-Петроградский университет. 1895–1917 / под ред. В. В. Мавродина, В. А. Ежова. Л., 1982. С. 124.

¹⁷ Там же. С. 123–124.

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Альшиц Даниил Натанович (1919–2012) — историк, источниковед, прозаик, драматург. Участник Великой Отечественной войны. Профессор, заслуженный деятель науки РФ (1994).

²⁰ Вовина-Лебедева В. Г. Историко-археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ / отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 2015. С. 6–67.

²¹ С. Н. Валк с 1932 г. работал в Институте книги, документа и письма АН СССР, впоследствии несколько позже как составная часть в ЛОИИ АН СССР. См.: Чернуха В. Г. Жизненный путь С. Н. Валка // История и историки. Историографический ежегодник. 1978 / отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1981. С. 178–179.

²² Из Библиотеки Академии наук ЛОИИ переехало в ноябре 1966 г. Первый ученый совет в собняке Н. П. Лихачева на ул. Петрозаводской, 7, состоялся в январе 1967 г. С историей ЛОИИ АН СССР знакомит киноочерк «Собняк в переулке», в который вошли документальные кадры, снятые старейшим сотрудником СПБНИИ РАН В. Н. Гиневым в разные годы — с ноября 1966 г. до конца 1980-х гг. На кинокадрах С. Н. Валк, Г. Л. Соболев и ряд других выдающихся исследователей ленинградской/петербургской исторической школы. См.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LHnArEKsnNs> (дата обращения: 15.03.2023).

²³ Вяткин Михаил Порфирьевич (1895–1967) — историк, доктор исторических наук (1946), член-корреспондент АН Казахской ССР и АН Киргизской ССР (1954), заслуженный деятель науки РСФСР (1965), лауреат Сталинской премии (1948).

²⁴ Носов Николай Евгеньевич (1924–1985) — историк, доктор исторических наук (1968). Участник Великой Отечественной войны. Исследователь истории России эпохи Средневековья, директор ЛОИИ АН СССР (1961–1981).

²⁵ Из личного архива Г. Л. Соболева.

²⁶ Окунь Семен Бенцианович (1908–1972) — историк, доктор исторических наук (1940). С 1937 г. преподаватель и профессор Университета. Участник Великой Отечественной войны, служил в ВМФ лектором политического отдела штаба морской обороны Ленинграда, в 1942–1944 гг. профессор Военно-политической академии им. В. И. Ленина.

²⁷ Кафе-мороженое «Лягушатник» находилось в доме № 24 по Невскому проспекту. Это было первое кафе Российской империи. В момент основания (1841) именовалось «Доминик», а его постоянные посетители — «доминиканцами». Кафе пользовалось большой популярностью. Его посещали Ф. М. Достоевский, Д. И. Менделеев, И. Е. Репин, шахматисты М. И. Чигорин, А. А. Алехин и др. Вскоре после революции кафе было закрыто, восстановлено в конце 1930-х гг. Его интерьер составили зеленые плюшевые диваны, напоминавшие по цвету земноводных. В народе заведение прозвали «Лягушатник». Кафе просуществовало до 1990 г.

²⁸ В ЛОИИ АН СССР Г. Л. Соболев работал на протяжении более четверти века, до перехода на исторический факультет Университета в 1986 г.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2023 г.
Рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соболев Г. Л. «...Старейший и в своем роде несравненный историограф нашего времени...»: воспоминания ученика о профессоре Сигизмунде Натановиче Валке (часть I) // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 4. С. 790–804.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.401>

Аннотация: Воспоминания Геннадия Леонтьевича Соболева, российского историка, доктора исторических наук, почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженного деятеля науки РФ, специалиста в области истории России XX в., создателя научной школы историков русских революций и Гражданской войны, самого авторитетного исследователя истории блокады Ленинграда, посвящены его учителю Сигизмунду Натановичу Валку (1887–1975), выдающемуся теоретику источниковедения, архивоведения и археографии, профессору Ленинградского государственного университета, руководителю Археографической комиссии Академии наук СССР, научному сотруднику Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В первой части статьи говорится о периоде обучения автора на историческом факультете ЛГУ в 1954–1959 гг. Г. Л. Соболев описывает сюжеты, оказавшие существенное влияние на его становление как историка: семинары С. Н. Валка по древнерусской истории с первокурсниками, работа старшекурсников в архиве под его руководством, проведение исследования при подготовке выпускной квалификационной работы и помощь Учителя в выборе направления будущей профессиональной деятельности. Кроме того, в воспоминаниях нашли отражение университетская жизнь студентов ЛГУ 1950-х гг., принципы организации учебного процесса на факультете, работа университетской библиотеки и мн. др. Автор также характеризует достижения советской исторической науки и ленинградской исторической школы. Немаловажным представляется сопутствующий исторический контекст воспоминаний, отражающий повседневность послевоенного Ленинграда, функционирование системы среднего и высшего образования в СССР.

Ключевые слова: воспоминания, Ленинградский государственный университет, исторический факультет, историческая наука, Ленинград.

Сведения об авторе: *Соболев Г. Л.* — д-р ист. наук, почет. проф., Санкт-Петербургский государственный университет; вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН; вед. науч. сотр., Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (Санкт-Петербург, Россия); g.sobolev@sbpu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Россия, 191187, Санкт-Петербург, Соляной пер., 9

FOR CITATION

Sobolev G. L. “The Oldest and Incomparable Historiographer of Our Time”: Student’s Memories of Professor Sigizmund Valk (Part I), *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 790–804. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.401> (In Russian)

Abstract: Memoirs dedicated to Sigismund Natanovich Valk were written by his student Gennady Leontyevich Sobolev, Russian historian, Doctor of Historical Sciences, Honorary Professor of St. Petersburg State University,

Honored Scientist of the Russian Federation, specialist in the history of Russia of the 20th century, founder of the scientific school of historians of Russian revolutions and the Civil War, the most respected researcher of the history of the Siege of Leningrad. S. N. Valk (1887–1975) was an outstanding theorist of source studies, archival studies and archaeography. He graduated from the Faculty of History and Philology of St. Petersburg University in 1913. He was the employee of the Petrograd Historical and Revolutionary Archives (1918–1922), teacher (since 1923) and professor at Leningrad State University, Doctor of Historical Sciences (1936), head of the Archaeographic Commission of the USSR Academy of Sciences, researcher at the Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences (since 1931). The article presents memories about S. N. Valk when the author was a student at the Faculty of History of the Leningrad State University in 1954–1959. G. L. Sobolev describes the narratives that shaped him as a historian: S. N. Valk's seminars on ancient Russian history with first-year students, the work in the archive under Valk's supervision, conducting research for the thesis and the help of the teacher in choosing a direction of future professional activity. In addition, the memoirs reflect the university life of students of Leningrad State University in the 1950s, the principles of organizing the educational process at the faculty during this period, the work of the university library, and much more. The memories have important historical context, reflecting the everyday life of post-war Leningrad, and the system of secondary and higher education in the USSR.

Keywords: memoirs, Leningrad State University, Faculty of History, historical science, Leningrad.

Author: *Sobolev G. L.* — Dr. Sci. in History, Professor Emeritus, St. Petersburg State University; Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, State Memorial Museum of Defense and Siege of Leningrad (St. Petersburg, Russia); g.sobolev@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab, St. Petersburg, 199034, Russia

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

State Memorial Museum of Defense and Siege of Leningrad, 9, Solyanoy per., St. Petersburg, 191187, Russia

References:

- Brachev V. S., Dvornichenko A. Yu. *Department of Russian History of St. Petersburg University (1834–2004)* (St. Petersburg, 2004). (In Russian)
- Chernukha V. G. 'The life path of S. N. Valk' in *Istoriia i istoriki. Istoriograficheskii ezhegodnik. 1978*, ed. by M. V. Nechkina (Moscow, 1981). (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Vladimir Vasilyevich Mavrodin. Pages of life and creativity* (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Faculty of History of St. Petersburg University. 1934–2004: Essays on history*, ed. by A. Yu. Dvornichenko (St. Petersburg, 2004). (In Russian)
- Ganelin R. Sh. *Soviet historians: what they talked about among themselves. Pages of memories of the 1940s–1970s* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- Gordon A. V. *Historians of the Iron Age* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Leningrad University in the memoirs of contemporaries*. In 3 vols. Vol. 2: *Petersburg — Petrograd University. 1895–1917*, eds V. V. Mavrodin, V. A. Ezhov (Leningrad, 1982). (In Russian)
- Lyashchenko P. I. *History of the national economy of the USSR*. Vol. 1: *Pre-capitalist formations* (Moscow, 1948). (In Russian)
- Siege of Leningrad through the eyes of children and adolescents: socio-cultural aspect*, ed. by G. L. Sobolev, comp. by O. V. Przhigodskaya, E. A. Tarasova (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Valk S. N. *Selected works on archeography. Scientific legacy* (St. Petersburg, 1991). (In Russian)
- Vovina-Lebedeva V. G. 'Historical and Archaeographic Institute and the Leningrad Department of the Institute of History in the 1930s' in *Iz istorii LOII*, ed. by N. N. Smirnov (St. Petersburg, 2015). (In Russian)

Received: March 24, 2023

Accepted: July 31, 2023